КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.В. Михайлова, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАЕН; e-mail: mary1701@mail.ru

ЖИЗНЬ НЕДЕЛИМА

Рецензия на книгу: Орлова Е.И. Вторая жизнь. Статьи о русской литературе. Воспоминания. — М.: МедиаМир; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014

Сборник литературоведческих статей и воспоминаний Екатерины Иосифовны Орловой вышел к ее юбилею. Статьи она пишет и по профессиональному долгу, и по зову сердца. Однако автор сочла, что именно в сочетании эти две сферы создадут представление о том, что она успела сделать к настоящему времени. И действительно оказалась права, потому что какая-то очень интимная, нежная, восхищенная интонация, с которою написаны воспоминания, удачно дополняется подробным, неторопливым, вдумчивым анализом самых разных литературоведческих проблем, которые, тем не менее, имеют все же некий центр — и этот центр поэтическое творчество представителей Серебряного века, хотя в книге отдана дань и той сфере филологии, которая занимала молодого литературоведа с самого начала ее научной деятельности, — прозе 20-х гг. В эту книгу также были отобраны воспоминания об Учителях, наставниках и тех, кто постепенно из наставников превращался в родную душу, как Галина Андреевна Белая, или тех друзей-коллег, без которых просто немыслима оказывается твоя жизнь, как Татьяна Бек (эти воспоминания по-своему дополняют лирико-автобиографическое повествование — книгу Орловой «Дом у Никитских Ворот», опубликованную в том же 2014 г.).

Между статьями и воспоминаниями перекинут мостик. Это творчество поэтессы Татьяны Бек, которое сначала в разделе «Статьи» разбирается по всем канонам скрупулезного литературоведческого анализа, а затем раскрывается изнутри — обращением к личности автора, в котором выделяется такая уникальная черта, как «удивленная благодарность» — за встречу, знакомство, узнавание ранее неведомого. Глава о Татьяне Бек названа «Вспышки памяти». Собственно так можно было бы озаглавить каждый из рассказов о встреченных людях. Ведь память способна хранить и самое яркое,

и неприметное на первый взгляд, но то, что оставляет зарубку на сердце.

Поразительно, но и в своих заметках об ушедших (а всех, о ком повествует Орлова, уже нет с нами) она остается тонко слышащим стихотворную речь филологом, Так, например, она мимоходом замечает «“Татьяна Бек” — тоже ведь звучит как две стопы ямба» (с. 239) и перемежает свои «вспышки» полюбившимися строчками стихов. И не только стихов: вот в повествование о Бек врывается голос Максимилиана Волошина. И голоса обоих поэтов сливаются друг с другом, ибо пишут об одном — о скорби потери близкого человека, что придает его судьбе «трагическое единство» (с. 243), но по-своему соединяет тебя, его полюбившего, с ним навеки...

Совсем иной «тип повествования» о профессоре Владиславе Антоновиче Ковалёве. Здесь уже перед нами прилежная ученица, запомнившая профессора еще со времени поступления в университет, когда сдавала ему вступительный экзамен, а потом и обучалась у него в семинаре. И Орлова, «переняв» преподавательские навыки Ковалёва, насыщает свой текст излюбленными этим преподавателем цитатами классиков, словно продолжая эстафету памяти, словно желая, чтобы эти строки полюбили и твердо запомнили. Но даже глядя на своего Учителя снизу вверх, она умеет уловить забавные черточки, расслышать звук в молчании. Так произошло с мемуаром (теперь появилась такая огласовка в определении жанра!) об Анатолии Георгиевиче Бочарове, где доминантой стала «смеховая культура», в недрах которой существовал этот профессор, будь это размышление об «анекдотной природе рассказов Шукшина» (с. 254) или указание на гегелевскую «“бесконечную благожелательность” комического» (с. 255), к которой сам он был очень расположен и которую в форме иронии и самоиронии преподносил окружающим.

И не случайно раздел воспоминаний завершается очерком о Галине Андреевне Белой — человеке, по сути, ставшем научной родительницей ученого Екатерины Орловой. Здесь автор показывает себя незаурядным портретистом, заостряя внимание на такой детали облика Белой, как бросающиеся в глаза уникальные крупные сережки, становящиеся затем подарком, от которого протягиваются нити дружбы и доверия, на юбках и шалях, которые всегда выделяли Галину Андреевну в толпе ученых филологинь.

Орлова все время обозначает нити, связывающие людей в круг единомышленников. Это могут быть нити «гордого человеческого самочувствия» (с. 260), которые так важны в совместном труде, или нити «сообщительного смеха» (с. 255), которые способны удержать от отчаяния в трудную минуту, или нити «расточительной

любви» (с. 262), которые будут согревать и после ухода близкого человека. И все вместе воплощается в «заведомую любовь» (с. 269), которая как наказ осталась у Екатерины Орловой от «бабы Гали».

Разбор сборника начат был мною с раздела воспоминаний вполне закономерно. Именно тесные контакты с педагогами факультета журналистики обозначили научные интересы Орловой-филолога. От Галины Андреевны (а еще ранее благодаря знакомству через В.А. Ковалёва со второй женой М. Булгакова Л.Е. Белозерской) был получен импульс к изучению прозы двадцатых годов XX в. В книге он обозначен статьями «Борис Эйхенбаум как литературный критик (три заметки к теме)», «Автор в “Сентиментальных повестях” Михаила Зощенко (опыт реального комментария)» и «После сказа (Михаил Зощенко — Венедикт Ерофеев — Абрам Терц)», «“...Мне кажется, что я чувствую сейчас всю Росссию...” (из переписки Максимилиана Волошина 1919–1920 гг.)», «Михаил Булгаков и Максимиллиан Волошин». В то же время с докторской диссертацией Е.И. Орловой о творчестве Николая Недоброво связан поэтологический дискурс исследований, выраженный в работах «“Память ритма”. О поэтической памяти», «На границе живописи и поэзии», «Четыре стихотворения Николая Недоброво», «Крымский “Петербург” Михаила Струве» и «Поэтический роман Татьяны Бек».

В научном подходе Е. Орловой сказывается та филологическая школа, которая сложилась на факультете журналистики МГУ и для которой характерно изучение истории литературы и журналистики в комплексе, что несомненно обогащает обе науки. Нельзя сказать, что этим раньше никто не занимался, нет: тому подтверждение — давние труды Института мировой литературы (такие, как «Литературный процесс и русская журналистика» или еще более ранние «Очерки истории русской советской журналистики»). Но в этом смысле кафедра истории русской литературы и журналистики остается, кажется, уникальной в системе высшей школы и работает как исследовательский центр, который становится заметным в российском научном сообществе, привлекает и зарубежных филологов. Эту кафедру ныне и возглавляет Е.И. Орлова.

Статьи, обращенные к литературно-общественной ситуации 20-х гг., насыщены фактами и обозначением реалий. Здесь в Орловой говорит журналист и историк критики, поскольку каждый критик строго «дифференцирован» по изданию. Замечательно ее «голосоведение» по статьям Эйхенбаума, посвященных размышлениям ученого о связях и отношениях критики, истории литературы, филологии и искусства в целом. Подробно анализируются его работы, впрямую обсуждающие роль и место критики и критика в литературном процессе, а также заметки и рецензии, в которых

об этом идет речь. Подключаются даже высказывания его из писем. Так перед нами развертывается панорама движения мысли ученого на протяжении более 30 лет и попутно дается объяснение его общественной позиции, буквально «заставившей» его принять свершаемое в ходе революции как «веление самой истории» (с. 15). На мой взгляд, следовало бы еще более подчеркнуть этот эсхатологически-преображающий аспект, с которым воспринимала революцию часть интеллигенции. Как кризис, слом, искупление, наконец. И возможно, что к этому подтолкнуло знакомство Эйхенбаума с текстами писателя Ивана Новикова, на которые он один из немногих современников обратил внимание и анализ которых критиком тщательным образом откомментирован Орловой (с. 15–16).

Интереснейшим образом прослежено речевое поведение автора и образ рассказчика в прозе М. Зощенко, даваемое с опорой на современную писателю критику, где фамилии ведущих критиков того времени — А. Лежнева, И. Оксенова, Ц. Вольпе — и цитаты из их работ позволяют погрузиться в жестокую идеологическую борьбу тех лет и понять, как трудно приходилось писателю, желавшему донести до читателя свое слово, и задаться вопросом, насколько преднамеренной была «глухота» критиков, насколько она была связана с общественной атмосферой и возможны ли были прорывы сквозь эту «глухую стену» (робкие просветы все же возникали, и они отмечены исследовательницей...). Отзвуки открытий Зощенко Орлова улавливает в повести В. Ерофеева «Москва-Петушки», причем констатирует более филигранную игру масок и более разнообразную подачу цитат Зощенко. И при этом указывает на «рамки» использования приема, выход за которые практически оказывается невозможен (отсюда намек на некоторую «монотонность» в построении ерофеевской повести). Однако она обнаружила вариант, при котором данный прием может быть распространен и на романное повествование. Такой удачей видится Орловой роман Абрама Терца «Спокойной ночи», где псевдоним автора превращается сначала в литературную личность, а потом и в самого героя, происходит «открытое “раздвоение”» (с. 38). Здесь не место выдвигать аргументы против такого суждения. Скажу только, что мне показалось, что у самой исследовательницы нет твердой убежденности в высказанном положении, поэтому она и не выстраивает подробную систему доказательств, ограничиваясь отдельными замечаниями. Отмечу только, что указанные выше работы, в которых много говорится об авторской самоиронии, оказываются тесно связаны с «планом» воспоминаний, где у дорогих ей людей она отмечала именно эту черту.

Атмосферой двадцатых годов овеяны не только эти статьи. Она (правда, чуть более ранней поры) стала сюжетом работы, где приведены архивные материалы — переписка Волошина с женой, а потом и вдовой Недоброво Любовью Александровной и ее подругой Юлией Сазоновой-Слонимской. Из опубликованных писем мы узнаем не только о тяжелейших условиях жизни в Крыму, по сути сведших в могилу сначала самого Недоброво, а несколько лет спустя и его вдову (оба умерли от туберкулеза), но и об отзывчивости Волошина, его необыкновенной доброте и готовности помогать людям (качества известные, но здесь они дополнены новыми подробностями). И конечно, поглощенности поэта творчеством, которому отдается все время и которое, как он надеется, вызовет отклик, поскольку стихи обращены к «красному исступленью» (с. 90) современности. Но отклика Волошин не дождался даже от самых своих преданных корреспондентов (женщины были задавлены бытом, Недоброво слабел с каждым днем, Бунин не ответил). Неудавшийся полилог этого времени «компенсируется» неожиданно обнаруженным Орловой диалогом совсем далеких друг от друга художников — Волошина и Булгакова — во второй половине двадцатых годов. И ключом здесь опять-таки явятся критические отклики на произведения обоих писателей, в которых звучат сходные ноты, и одновременно контрапункт, который объединил их произведения, печатавшиеся рядом или друг за другом на страницах альманаха «Недра». Чуткий филологический слух автора статьи улавливает то общее, что объединило этих столь несхожих по поэтике художников — взгляд на происходящее sub specie aeternitatis, к чему присматривались, не принимая, конечно, критики всех мастей и на чем рьяно отрабатывали свою идеологическую непримиримость. Орлова приводит несколько убедительных примеров «совпадений» из поэмы «Россия», цикла «Усобица», стихотворения «Трихины» и «Белой гвардии», что подтверждает сходство взглядов художников на русскую историю, деяния большевиков, безответственность интеллигенции.

Заслуживают отдельного упоминания находящиеся на пересечении живописи и поэзии работы Орловой. Мотив «холста-зеркала» применительно к стихотворениям Ахматовой позволяет дополнить уже хорошо усвоенные филологией связи между поэтессой и Недоброво, усматривая и поэтическую перекличку двух поэтов. Родственное знакомство с акварелью Волошина, подаренной в свое время матери автора книги, разворачивает свиток памяти и буквально восстанавливает из небытия интереснейшую фигуру художника Н.В. Досекина, отметившегося и работами по художественной критике, и шутливыми стихотворениями, но собственно

художественное наследие которого сохранилось неполно. Орлова устанавливает определенные переклички между ним и Волошиным в плане постижения закономерностей развития живописи в XX в.

Диптихом можно считать статьи о стихах Недоброво и М.Струве, так как у одного разбирается «крымский текст» (сонет «Демерджи»), а у другого «крымские» отсветы, лежащие на петербургских реалиях. Опять-таки можно отметить особую тонкость и деликатность, с которой анализируются стихи поэтов, не принадлежащих к первому ряду, а в случае с М. Струве вообще почти затерявшиеся в массе. Здесь Орловой очень помогает ракурс: изучение стихов через размер и ритм, через вскрытие «психологии стихотворных размеров» (с. 163). А это, в свою очередь, позволило ей смело объявить «вестницей» (с. 165) ахматовской «Белой стаи» оказавшуюся почти незамеченной «Стаю» М. Струве.

И уж, конечно, все приобретенные в профессиональной деятельности наработки она применила к анализу стихов дорогого ей человека, ярчайшей поэтессы Татьяны Бек. Чтобы показать многосторонность, с которой освоено ее наследие, достаточно перечислить главки созданного литературного портрета автора «Скворешника», «Снегиря» и других замечательных поэтических книг. Это «Ландшафты стиха», «Лирический герой: автопрортрет на фоне времени», «“Шероховатости речи” (сниженная лексика в современной поэзии: Татьяна Бек)», «Цветаевская нота», «“Быть — значит общаться...”, или Диалог с Богом». Уже сама выстроенность по восходящей — от земного к Небесному — ясно указывает, каким видится путь поэтессы внимательному критику. А если вспомнить обстоятельства ухода Татьяны Бек из жизни (о них вскользь, но для посвященных достаточно открыто говорится в книге), то станет понятно, что писалось об ее поэзии, когда прояснился лик ее судьбы. Недаром в последних строчках воспоминаний о ней у Орловой прозвучало: «Когда гаснет лик живого человека, лик его судьбы вдруг озаряется» (с. 244). А это настойчивое «лик», «лик» отсылает к волошинским «Ликам творчества». Так обнажаются «узлы», связывающие всех героев книги «Вторая жизнь».

Сборник назван «Вторая жизнь». Что имеет в виду автор под этим названием объяснено в предисловии. Правда, объяснено несколько невнятно, что дает простор для интерпретаций. Согласно авторскому истолкованию, вторая жизнь — это те художественные миры, которые начинают существовать по особым законам, как только они «выходят» из-под влияния их создателя и с которыми имеет дело профессиональный филолог. Но позволю себе дополнить эту трактовку. Получается, что «вторая жизнь» филолога — это та, что проходит на виду у всех — научная, педагогическая. Но

чтение сборника заставляет воспротивиться этому названию. Совершенно очевидно, что жизнь Е.И. Орловой — неделима. У нее наука подпитывает человеческие связи, а человеческие отношения позволяют расти, мыслить и развиваться ее личности дальше. А кроме того, и сама филологическая личность меняется в зависимости от объекта изучения — ведь «общение» с Волошиным, Недоброво, другими не менее чтимыми фигурами литературного небосклона не может не наложить отпечаток на внутренний мир человека, конечно, при условии, что в этом мире есть нравственно-ориентированный воспринимающий «аппарат». А такой «аппарат» у автора книги есть — об этом говорит тот луч, который она очень избирательно направляет на те или иные «объекты».

Есть ли в сборнике недостатки? Я выискала мельчайшие (и то для этого надо было усиленно потрудиться!). Это некоторые повторы, которые стоит убрать при повторном издании (например, о помощи, оказанной Ковалёвым Г.А. Белой в трудную минуту). Также выражу сомнение, что в текст Б. Эйхенбаума вкралась опечатка, на которую указано в сноске (с. 10). И думается, что можно второе издание книги сделать потолще — ведь за ее пределами остались блистательные статьи Е.И. Орловой, часть которых так и просится в новый сборник!

Поступила в редакцию
30.03.2015